

А.Л. Андреев

**ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ЕЕ ПОЛОЖЕНИЯ В МИРЕ⁷**

*АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru*

В статье на основе результатов проводившихся в разные годы социологических опросов дается анализ складывающегося в сознании россиян образа России. Выделяются основные смысловые компоненты данного образа, описывается его динамика на фоне изменяющегося отношения к ведущим субъектам мировой политики, рассматривается связь образа России с особенностями национального менталитета. Особое внимание уделено анализу воздействия на массовое сознание затрагивающим Россию международным кризисам, в особенности социально-психологическим последствиям так называемой «пятидневной войны» с Грузией, приведшей к провозглашению независимости Абхазии и Северной Осетии.

Ключевые слова: Россия, Запад, США, Европа, НАТО, Грузия, Украина, Абхазия, Северная Осетия, Китай, Сербия, геополитика, угрозы, национальный менталитет

Одной из главных составляющих политического курса, которым идет ныне Россия, является стремление восстановить во многом утраченные ею в предшествующий период вес и влияние в международных делах. Курс этот отражает не только устремления политических элит, но и широкие общественные настроения. Его проведение отчасти компенсирует в глазах населения недостатки экономической политики, социальный эгоизм олигархии и слишком медленный переход страны на рельсы инновационного развития, а в самое последнее время и ощутимые для многих удары экономического кризиса. Это предопределяет весьма значительную чувствительность внешней политики страны к динамике общественных настроений. Поэтому логику действий России в отношениях с основными геополитическими субъектами можно понять и объяснить только с учетом этой динамики.

⁷ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 07-03-00102 а.

Что думают наши сограждане по поводу международного положения страны? Какое место, по их мнению, она занимает в мире? Кого она должна опасаться, и на кого, напротив, можно положиться?

Если в годы перестройки и в начальный период президентства Б.Н. Ельцина в российском обществе преобладали прозападные симпатии, то после военного вмешательства НАТО в бывшей Югославии вектор общественных настроений стал меняться на прямо противоположный. Запад начал восприниматься как источник разнообразных угроз, причем не только в военно-политическом, но и в культурном и отчасти экономическом смысле; самобытность же России, ее непохожесть на другие цивилизации была осознана как ценность.

Переосмысление было очень дифференцированным. Более других оно коснулось США, военно-политических структур типа НАТО, а также тех, кто проявлял готовность безоговорочно принять американскую политическую риторику и идти в фарватере политики строительства однополярного мира, руководимого обладающей монополией на истину сверхдержавой. Надо, однако, отметить, что, несмотря на резкое падение популярности Америки, неприязнь к ней никогда не была подавляющей и уровень симпатий к США не намного уступал уровню антипатий. Те же государства Запада, которые демонстрировали способность занимать более сбалансированную и самостоятельную позицию, но главное – слушать доводы другой стороны (Франция, Германия, Италия и др.), сохранили симпатии и уважение россиян. К СНГ у населения Российской Федерации сложилось скептическое отношение, и страны, вошедшие в это объединение, они воспринимали с нескрываемым безразличием, за исключением только самых близких «родственников» – Украины и Белоруссии, отношение к которым оставалось во многом неформальным и «по-родственному» теплым.

Такая «картина мира» была достаточно устойчивой. Как показывают данные мониторинга мнений и настроений россиян, оценки партнеров и конкурентов России на международной арене на протяжении последних 10 лет менялись очень незначительно. Пятидневная война на Кавказе в августе 2008 г., создала во многом новую ситуацию, вызвавшую резкий перелом в динамике ряда весьма устойчивых до последнего времени индикаторов, которые характеризуют мнения россиян по вопросам внешней политики.

Как показывают данные всероссийских опросов, проводившихся учеными Института социологии РАН⁸, под влиянием кавказских событий и реакции на них со стороны различных стран мира и международных организаций произошло реструктурирование сформировавшейся в массовом сознании «матрицы угроз», которая в значительной степени определяет эмоциональную тональность восприятия населением международного положения и внешней политики. Ныне эта матрица выглядит несколько иначе, чем в начале текущего десятилетия, т.е. в первые годы президентства В.В. Путина. В 2001 г., когда на свежие еще воспоминания о взрывах бомб в Москве и других российских городах наложилось транслируемое всеми телеканалами грандиозное зрелище воздушной атаки на нью-йоркские небоскребы, самую большую опасность граждане России видели в международном терроризме. Наряду с этим их очень тревожила возможность перерастания глобальной борьбы с терроризмом в затяжные локальные войны. Так, в первое время после событий 11 сентября 2001 г. свыше половины россиян высказывали опасения по поводу возможности втягивания страны во вторую афганскую войну на стороне США с последующей ее изоляцией от исламского мира. Возрождался и характерный для советского времени страх перед спонтанным сползанием к новой мировой войне.

Сегодня в массовом сознании на первое место выдвинулось расширение НАТО с перспективой включения в этот альянс Грузии и Украины. Если в 1995 – 1996 гг. расширением НАТО было обеспокоено лишь чуть более 4 % россиян, а в самый разгар бомбардировок Югославии в 1999 г. данный показатель увеличился до 12 %, то в настоящее время на эту угрозу указывает наибольшее число опрошенных. В августе – сентябре 2008 г. оно составило почти половину от общей величины выборки (более точно – 46 %). Почти 40 % видят большую опасность в возможности втягивания России в долгосрочный конфликт на Кавказе. Что же касается мирового терроризма и опасности перерастания общей нестабильности в новую мировую войну, то они отодвинулись ныне на третье и четвертое места (данные факторы включили в число трех вызывающих наибольшую тревогу 33 – 35 % опрошенных нами граждан). Пятерку наиболее весомых, по мнению россиян, угроз замыкает усиление военно-политического влияния США (эта позиция отмечена в 29 % полученных в ходе опроса ответов). Менее всего, судя по полученным данным, наших сограждан волнуют

⁸ Опросы проводятся регулярно по общероссийской квотной выборке в 12 территориально-экономических районах России (согласно делению Росстата). Опрашиваются респонденты от 18 лет, принадлежащие ко всем основным социально-демографическим группам населения. Стандартный размер выборки составляет 1750 человек.

противоречия глобальной экономики: увеличение разрыва между бедными и богатыми странами и возникновение мирового экономического кризиса.

То, что вступление грузинской армии в Цхинвал, гибель российских миротворцев и разрушение города вызовут в России настоящую вспышку гнева против инициаторов и исполнителей этой акции, можно было ожидать с самого начала. Вполне предсказуемой является и негативная реакция на довольно двусмысленную роль в этом конфликте Соединенных Штатов Америки. Но то, что реакция россиян окажется настолько резкой, пожалуй, не так-то легко было предвидеть. Скажем, военную операцию США и их союзников в Ираке или развертывание американской ПРО в Восточной Европе россияне также восприняли весьма неодобрительно. Но то, что мы наблюдаем после августовских событий на Кавказе, – это нечто иное.

Изменилась, в частности, эмоциональная тональность, которой окрашено в массовом сознании отношение «Мы» и «Они», что связано в первую очередь с мысленным реструктурированием поля внешних угроз. Если еще недавно россиян беспокоил в первую очередь международный терроризм и связанная с этим перспектива втягивания страны в военные операции по ликвидации очагов террористической деятельности, то теперь данный фактор передвинулся на третье место. Теперь наибольшая часть наших респондентов (свыше 46 %) выдвинула расширение НАТО с перспективой включения в этот альянс Грузии и Украины.

С некоторыми не слишком значительными вариациями данная тенденция характерна для всех без исключения социально-демографических групп, а также для регионов и типов поселений. Единственное уточняющее замечание, которое в последнем случае необходимо сделать, состоит в том, что она по каким-то не вполне пока ясным причинам оказалась слабо выражена в городах областного масштаба. Здесь расширение НАТО и международный терроризм волнуют население почти в одинаковой степени: разрыв между значениями соответствующих индикаторов составил всего 2 %, тогда как в мегаполисах 15 %, а на селе – 20 %.

Однако данная поправка не меняет общего вывода: описанный нами сдвиг в восприятии поля внешних угроз носит всеобщий характер. Можно ли объяснить это тем, что граждане просто воспроизводят точку зрения политического класса, транслируемую через СМИ? Такое объяснение довольно широко распространено, однако эмпирические данные

показывают, что оно не вполне адекватно. Влияние «сверху», конечно же, нельзя отрицать, но связь здесь далеко не прямая. На самом деле мнение граждан Российской Федерации не вполне и не во всем коррелирует с позицией власти. Например, рядовые россияне далеко не так, как политическая элита страны, чувствительны к размещению в Польше и Чехии американской ПРО. Последнее сочла первостепенно важным только четверть наших респондентов, вследствие чего данный фактор занял лишь шестое место в списке внешних угроз. В то же время в сознании россиян в значительной мере сохраняются традиционные, восходящие еще к советской эпохе фобии – такие, в частности, как угроза новой мировой войны. Так что реакция на кавказские события формировалась обществом, хотя и не без участия власти, но в целом достаточно самостоятельно. Из этого следует, что она имеет не одни лишь ситуативные, но и глубинные основания и, вероятно, надолго отложится в коллективном опыте россиян.

По следам трагических событий произошел настоящий обвал симпатий ко всем, на кого российское общественное мнение возлагает вину за кровавые события в Южной Осетии. Причем, как показывают данные ряда исследований, вплоть до весны 2009 г. эти настроения практически не изменились.

Разумеется, негативная реакция россиян касается в первую очередь Грузии. Отношение россиян к этой стране и ее президенту М. Саакашвили в последние годы вообще было очень неблагоприятным. Теперь же оно, похоже, становится почти всецело негативным: в первые дни после завершения военной операции по принуждению Грузии к миру доля респондентов, испытывающих по отношению к ней положительные эмоции, была зафиксирована на уровне всего лишь 8 %, тогда как носителей противоположных этому настроений оказалось вдесятеро (!) больше. Почти столь же драматически выглядит в данном контексте и динамика отношения к США. Если год назад этой стране все еще симпатизировали более 37 % россиян, то в настоящее время этот показатель упал сразу на 23 процентных пункта. Похоже, что ценой, которую США придется заплатить за сделанную Белым домом ставку на М. Саакашвили, стала практически полная утрата ими кредита доверия российской общественности, а вместе с тем и возможности вести какой-либо диалог.

Новым важным политическим фактором становится последовавшее за шагами В. Ющенко в поддержку Тбилиси резкое охлаждение россиян к Украине. Доля «украинофилов» среди россиян сократилась по сравнению с прошлым годом более чем вдвое, опустившись ниже 25-процентной отметки. Соответственно, почти в такой же пропорции усилилось

негативное отношение к этой недавно еще самой близкой «братской республике». Количество ответов, выражающих негативные чувства по отношению к Украине, впервые превысило количество ответов, выражающих позитивные чувства, причем значительно (23 % против 60). Даже Польша с ее хорошо известными застарелыми предубеждениями против России и нынешней ее ролью одного из лидеров антироссийской оппозиции в Евросоюзе выглядит на этом фоне лучше: позитивное восприятие этой страны отмечено у 28 % наших респондентов, а негативное – у половины. А ведь еще в начале текущего десятилетия Украина, наряду с Белоруссией, рассматривалась как наиболее вероятный союзник России.

Обострение международной обстановки, вызванное российско-грузинским вооруженным конфликтом и последовавшими за ним событиями, в той или иной степени повлияло и на отношение россиян к другим странам мира. Свыше 57 % респондентов отметили ухудшение отношений с Западом. Противоположного мнения придерживается только один человек из десяти и приблизительно каждый пятый считает, что они существенно не меняются. В сложившейся ситуации произошло снижение рейтинга симпатий практически ко всем странам, активно транслировавшим позицию, занятую в данном вопросе Западом. Даже издавна любимая россиянами «прекрасная Франция», которая всегда занимала в их сердцах совершенно особое место, опустилась по шкале рейтингов на целых 10 % (уровень симпатий в 2007 – 75 %, осенью 2008 – 65 %). Несколько меньше (4 - 5 %) потеряли Германия и Япония. Но больше всего россияне, судя по их ответам, недовольны Великобританией. Баланс положительных и отрицательных оценок этой страны впервые за 10 лет наблюдения стал паритетным (около 38 % испытывают к ней положительные чувства и столько же – отрицательные). Зато в рассматриваемом нами новом международном контексте усиливается расположение россиян к странам, не связывающим себя обязательствами солидарности с Западом. На постсоветском пространстве к ним относятся, в частности, Белоруссия и Казахстан, причем Белоруссия в настоящее время становится в России своего рода «лидером симпатий» (их выразили в ходе проведенного опроса почти 3 респондента из каждых 4, что представляет собой лучший на данный момент результат). Несколько неожиданным является, на наш взгляд, значительное и быстрое улучшение в глазах россиян имиджа Китая. С середины 90-х годов уровень симпатий к нему стабильно держался на уровне 41 – 45 %, но в последнее время он вдруг резко «подскочил», вплотную приблизившись к отметке 60 % (более подробные данные по странам приведены в табл. 1).

Таблица 1.

Чувства, которые вызывают у россиян различные страны мира, %

Страна	В основном положительные	В основном отрицательные	Затруднились ответить
1.США	13,9	73,8	12,3
2.Польша	28,0	50,7	21,3
3.Великобритания	38,5	38,4	23,1
4.Франция	65,6	14,6	19,8
5.Германия	58,1	21,9	20,0
6.Япония	55,5	21,0	23,4
7.Китай	59,2	19,2	21,6
8.Индия	65,5	11,5	23,0
9. Сербия	53,2	14,5	32,3
10. Белоруссия	74,5	11,1	14,3
11. Украина	23,1	60,3	16,6
12. Казахстан	69,3	11,8	18,9
13. Грузия	8,2	80,9	10,9

Баланс симпатий и антипатий россиян к различным государствам мира зависит от многих социальных, социально-демографических и социокультурных факторов. Так, среди женщин симпатии к США и другим странам Запада, а также к Украине и Польше обычно чуть выше, чем среди мужчин, по странам же Востока (Китай, Индия, Япония) картина обратная. Антизападные настроения в целом распределены по типам поселений довольно хаотично; колебания по возрастным группам также не имеют четко выраженной общей закономерности, за исключением вполне понятного снижения симпатий к Германии в самой старшей возрастной когорте – после 60 лет. По-видимому, они определяются очень сложными конstellациями разнородных психологических мотивов, которые «индивидуализированы» применительно к образу той или иной страны. В то же время уровень доброжелательности в восприятии других стран и народов имеет отчетливую региональную привязку, коррелирующую с географической близостью того или иного региона к различным источникам внешних угроз. В этом плане особенно выделяется Южный федеральный округ, где опасения россиян по поводу внешних угроз выражены в предельно заостренной форме. Здесь, в частности, в ходе опроса зафиксирован самый высокий уровень эмоционального отторжения Грузии (свыше 94 % негативных реакций против 2 % позитивных!), а также необычайно резкие антиамериканские настроения (90 % живущих здесь респондентов испытывают к США неприязнь). Здесь же, а также в Приволжском федеральном округе менее всего жалуют и дрейфующую на Запад Украину (доля ответов, выражающих негативное к ней отношение составила соответственно 79 и 67 %, тогда как в Северо-Западном федеральном

округе соответствующий показатель — около 50 %, в Центральном – 55 %, а в Дальневосточном – примерно 44 %).

Если произвести ретроспективное сопоставление данных, относящиеся к текущему моменту, с результатами исследований за прошлые годы, то можно заметить общую тенденцию отклонения вектора российского самосознания от более или менее четко выдерживавшегося ранее общего направления на Запад. Однако до недавнего времени данная тенденция развивалась постепенно и не так уж быстро. Ярко выраженное размежевание глобальных игроков по поводу событий в Южной Осетии и Абхазии как бы подтолкнуло процесс, резко усилив отчуждение российского общественного мнения от стран, принадлежащих к Западу или, по крайней мере, с ним ассоциирующихся (последнее относится, в частности, к Японии). Если в 1996 – 1998 годах США, Франция, Великобритания, Германия значительно опережали по уровню симпатии к ним наших сограждан практически любую, даже самую симпатичную им, страну незападного мира, то сегодня картина выглядит иначе. США и Великобритания отодвинулись в самый конец списка фаворитов, с Францией практически сравнялась Индия, Германию же перегнал Китай, еще год назад проигрывавший ей в соревновании за умы и сердца россиян целых 18 процентных пунктов.

Необходимо специально отметить, что весьма острая реакция российского общества на идущую с Запада критику российской внешней политики никак нельзя назвать безоглядной. Она вовсе не похожа на какой-то милитаристский угар, когда теряется чувство реальности и умолкает рассудок. В целом по России почти $\frac{3}{4}$ респондентов в той или иной степени обеспокоены тем, что отношения с Западом у России ухудшились («сильно беспокоит» свыше 30 % опрошенных, «скорее беспокоит, чем нет» – около 43 %). Не испытывает или почти не испытывает озабоченности по этому поводу только каждый пятый участник опроса. Особенно сдержанное отношение к «победе» над Грузией в связи с осмыслением возможных последствий августовской войны проявилось у москвичей и петербуржцев, а также у населения Северо-Западного и Сибирского федеральных округов. Индикатор обеспокоенности возможной международной изоляцией России в этих федеральных округах приблизился к четверти опрошенных, а в мегаполисах превысил 28 %, что на 10 процентных пунктов выше его средней величины по выборке в целом. Эта последняя цифра, несомненно, отразила особенности социального мышления жителей сверхкрупных городов, более других ощущающих себя частью глобального взаимосвязанного мира. Она определенно коррелирует и с другими выявленными здесь отклонениями от среднестатистической картины – в

частности, с тем, что для жителей обеих российских столиц угрозы, связанные со сбоями и противоречиями мировой экономики, более весомы, чем для остальных россиян. Так, угроза мирового экономического кризиса оказалась значимой почти для каждого четвертого жителя мегаполиса и только для каждого седьмого россиянина, живущего в населенных пунктах меньшего масштаба. Интересно добавить, что в Южном федеральном округе, продемонстрировавшем наиболее жесткую позицию по отношению к «врагам» российской державы, численность опасующихся мирового экономического кризиса составила всего-навсего 7 % (примерно один из каждых 14 живущих здесь респондентов).

Понимая, хотя и в разной степени, негативные последствия признания Абхазии и Южной Осетии, россияне в целом не склонны драматизировать ситуацию. Около четверти их полагает, что конфликт России и Запада по поводу кавказских событий носит скорее риторический характер. Считающих, что Россию за ее действия могут «наказать» и в итоге она окажется в изоляции, более чем в 2 раза меньше – примерно 18 %.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что в России сформировался широкий антиамериканский и антинатовский политический консенсус. Судя по характеру распределения различных вариантов ответов на поставленные перед респондентами вопросы, в него входят не только носители левых и националистических настроений, но и значительная часть либеральной публики. Действия российского правительства и характер принятых им в рамках новой политической ситуации на Кавказе достаточно радикальных решений получили одобрение со стороны общества. В твердой форме об этом заявили 55 %, в более мягкой («скорее одобряют, чем не одобряют») еще почти 29 % респондентов. Количество несогласных с этой политической линией невелико, а твердых ее противников и вовсе ничтожно мало (около 2,5 %). Фактически это меньшинство во всех социально-демографических группах и поселенческих сообществах, а также во всех регионах страны является маргинальным.

Что касается государственного статуса Абхазии и Южной Осетии, то сохранение их в составе Грузии при условии предоставления им широкой автономии кажется приемлемым лишь 4 – 5 % россиян. Более половины считают оптимальным нынешнее положение – независимость и ее признание со стороны России, и почти 27 % хотели бы пойти еще дальше, приняв обе республики в состав Российской Федерации.

Несомненно, что, опираясь на сложившийся консенсус, руководство страны приобретает небывалую доселе свободу маневра в сфере международных отношений. Защита национальных интересов становится признанным внешнеполитическим приоритетом, который общество в целом одобряет. При этом оно, похоже, как-то внезапно преодолело синдром страха перед жесткими мерами, который испытывало раньше и который делал его склонным к уступчивости. Так, в частности, в случае дальнейшего движения Украины в НАТО почти 57 % опрошенных одобрили бы применение препятствующих этому экономических и политических санкций. Считающих, что «незалежность» Украины исключает право на применение таких мер, в целом не так уж мало – это примерно каждый пятый россиянин, однако в настоящее время они находятся в явном меньшинстве, уступая по численности сторонникам «твердой руки» более чем в 2,5 раза. Из общей картины несколько выпадает лишь население Северо-Западного федерального округа, которое более других склонно считать, что раз уж Украина стала самостоятельной, то Москва должна оставить попытки воздействовать на ее политический курс.

Отметим, что общие тенденции, характеризующие баланс симпатий и антипатий россиян к различным странам мира, так или иначе проявились и в их отношении к международным организациям и органам международного сотрудничества. Разница состоит в том, что о многих из них наши сограждане знают существенно меньше, чем о странах, и потому соответствующие мнения часто оказываются несколько неопределенными. После сказанного выше вряд ли следует удивляться тому, что наиболее четкой и в то же время наиболее негативной оказалась оценка НАТО. Отвечая на вопрос о том, какие чувства вызывает у респондентов упоминание о тех или иных международных институтах, примерно 80 % признались, что слово «НАТО» связано для них с неприятными ассоциациями. Относящихся к этому военно-политическому союзу без неприязни в целом как минимум в 11 раз меньше (7,3 %). Наиболее выраженные различия в восприятии НАТО связаны с возрастом: в самой младшей возрастной когорте отношение к альянсу примерно вдвое лучше, чем в целом по выборке, а в самой старшей (после 60) – почти в 2 раза хуже.

Еще одна международная инстанция воспринимается в России хотя и не так обостренно, но все же с достаточной долей раздражения – это Гаагский трибунал по бывшей Югославии, многие решения которого кажутся россиянам односторонне политизированными и во многом предвзятыми. А вот Страсбургский суд по правам человека, который, бывало, и поддерживал подвергавшихся преследованиям российских соотечественников за рубежом и

в то же время не раз становился на сторону граждан, предъявлявших иски к российским властям, необычайно популярен: его деятельность вызывает положительные чувства примерно в 4,5 раза чаще, чем отрицательные (61 % против 14 %). В целом же, если оставить в стороне НАТО и непростой вопрос об объективности Гаагского трибунала, население России достаточно позитивно относится к международным организациям, начиная с ООН и кончая теми из них, которые российские политологи и общественные деятели нередко квалифицируют как простые инструменты реализации интересов Запада. В частности, как показало исследование, и Международный валютный фонд, и Всемирную торговую организацию население воспринимает без особого предубеждения. Во всяком случае на эмоциональном уровне эти организации чаще вызывают положительные чувства, чем отрицательные.

А как относятся россияне к организациям, поддерживающим и обеспечивающим процессы европейской интеграции? Просто «Европа» для российского менталитета значительно ближе и симпатичнее, чем так называемые европейские структуры. Но и последние не вызывают какого-либо отторжения. Так, почти половина россиян весьма позитивно настроена по отношению к Европейскому союзу, около 40 % - по отношению к ОБСЕ, тогда как зафиксированный в ходе исследования уровень неблагоприятных реакций на упоминание об этих международных институтах составил соответственно 21 и около 16 %. О Парламентской ассамблее Совета Европы население России знает мало, поэтому очень многие затруднились высказать о ней какое-то определенное мнение. Однако и в этом случае наблюдался некоторый перевес положительных оценок над отрицательными: 23 % против 21,5 % (табл. 2).

Таблица 2.

Какие чувства испытывают россияне к различным международным организациям, %

Организации, объединения	Скорее положительные чувства	Скорее отрицательные чувства	Ничего не знаю об этой организации, объединении	Затруднились ответить
Европейский союз (ЕС)	49,9	21,5	28,2	0,5
СНГ	72,5	16,5	10,5	0,6
ООН	54,9	29,6	14,9	0,6
Международный валютный фонд (МВФ)	35,7	27,9	36,0	0,4
Всемирная торговая организация (ВТО)	35,4	28,8	35,3	0,5

НАТО	7,3	79,9	12,3	0,6
Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ)	23,1	21,5	55,0	0,4
Европейский суд по правам человека	61,4	14,0	24,3	0,3
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	39,4	16,5	43,8	0,3
Международный трибунал по бывшей Югославии (Гаагский трибунал)	22,5	35,7	41,5	0,3

В целом отношение опрошенных к институтам европейского сотрудничества довольно ровное. Но, начиная с возрастного порога в 60 лет, те структуры, которые олицетворяют собой строительство «единой Европы», резко теряют расположение россиян. Так, уровень позитивных эмоциональных реакций на понятие «Европейский союз (ЕС)», которое в большинстве возрастных групп колеблется в довольно узком диапазоне 52 – 54 %, у респондентов пенсионного возраста падает до 38 %.

Анализируя полученные в ходе исследования данные, можно заметить новую тенденцию – улучшение отношения к СНГ, которое россияне еще совсем недавно считали недееспособной и не слишком полезной организацией с весьма неясным будущим. Если, к примеру в 2000 г. благоприятный эмоциональный отклик на слово «СНГ» давали 40 % респондентов, а неблагоприятный – 60 %, то к настоящему времени первый показатель вырос до 72 %, а второй резко снизился и составляет ныне лишь 16 – 17 %. В настоящее время СНГ в России заметно популярнее, чем Евросоюз. При этом, если у самых юных отношение к ним на уровне эмоциональных реакций практически одинаковое, то после 20 лет объединение постсоветских государств постепенно приобретает перевес, который в старших возрастных когортах становится весьма внушительным: в группе 60+ он почти двукратный (уровень положительных эмоциональных реакций на слово «СНГ» здесь достигает 71 %, а на «Евросоюз» - 38 %).

Несомненно, подавляющее большинство россиян хотело бы улучшения отношений с Западом. Но отнюдь не любой ценой. И уж во всяком случае – не за счет уступок в принципиальных для себя вопросах. Твердость, а иногда и жесткость в отношениях с другими субъектами международной политики воспринимается в обществе уже не просто как характеристика политической тактики. Разумная твердость дает основание чувству собственного достоинства и в этом плане становится уже сущностной чертой, определяющей

современную российскую идентичность и задающей позитивный образ России в глазах ее населения. За границей, как известно, такая Россия не вызывает восторга. Россияне это понимают, однако сегодня они вовсе не испытывают потребности кому-то «понравиться». Более того, они хотят, чтобы именно так – в модусе разумной, но непреклонной, твердости – их страну воспринимали бы все ее многочисленные контрагенты и партнеры как на Западе, так и на Востоке.

Литература:

1. Шемякин Я.Г. Динамика восприятия образа России в западном цивилизационном сознании // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 2. – С. 5-22.
2. Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт (Семантическая составляющая «главного русского спора») // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 4. – С. 93-104.
3. Ионов И.Н. Цивилизационные образы России и пути их оптимизации // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 3. – С. 143-157.
4. Шаповалов В.Ф. Археология гуманитарного знания и образы России // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 3. – С. 111-121.
5. Лайдинен Н.В. Образ России в зеркале российского общественного мнения // *Социологические исследования*. – 2001. – № 4. – С. 27-31.
6. Шестопал Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психологический анализ) // *ПОЛИС: Политические исследования*. – 1995. – № 8. – С.86-97.